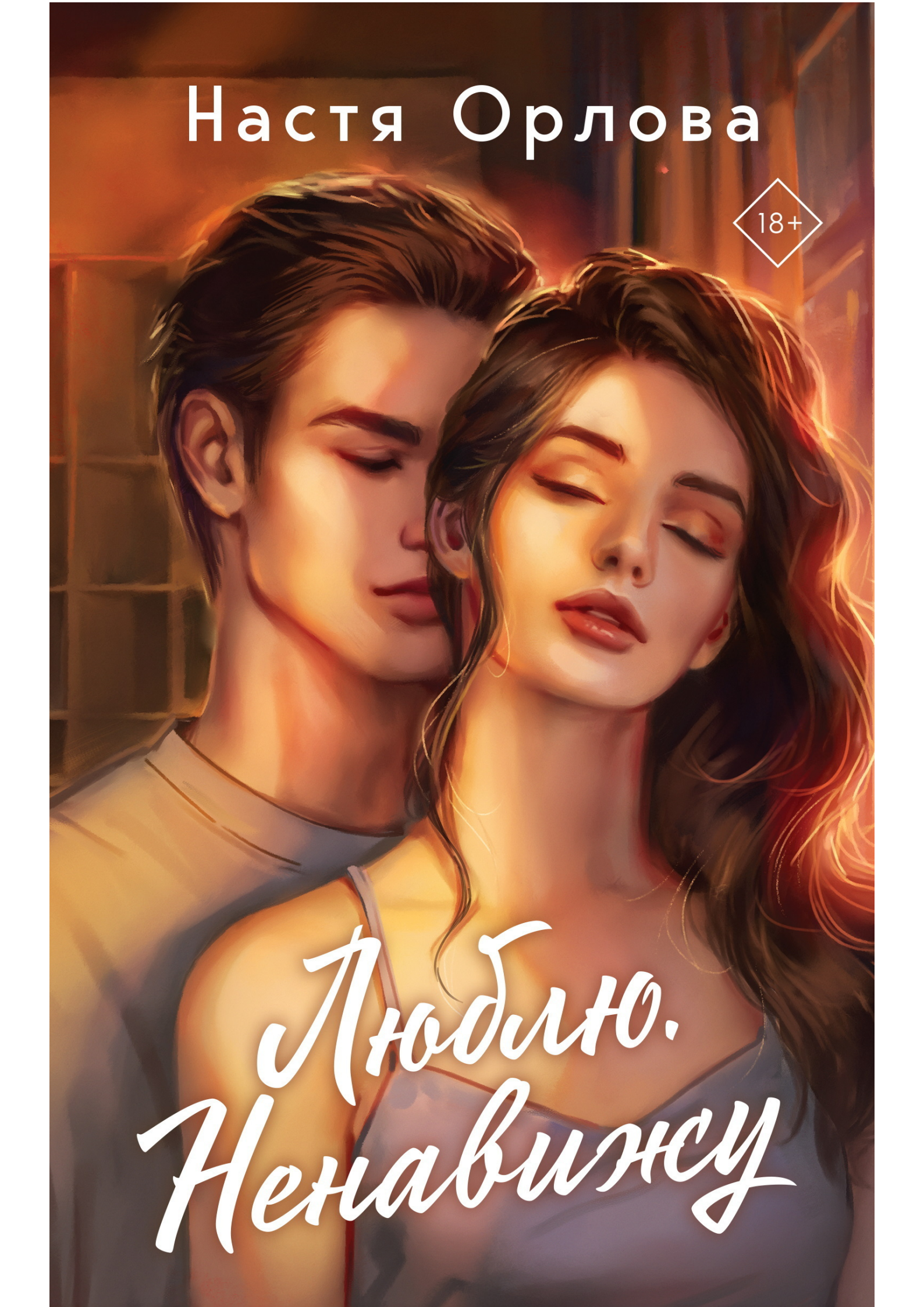

An artistic illustration of a young man and woman in a romantic embrace. The man is on the left, leaning his head against the woman on the right. They are both looking down with soft, closed eyes. The lighting is warm and golden, suggesting a sunset or indoor lights. The woman has long, wavy brown hair, and the man has short, dark hair. They are both wearing light-colored, possibly blue or grey, tops. The background is softly blurred, showing hints of a window or architectural elements.

Настя Орлова

18+

Люблю.
Ненавижу

Всегда побеждает любовь. Проза Насти Орловой

Настя Орлова
Люблю. Ненавижу

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орлова Н.

Люблю. Ненавижу / Н. Орлова — «Эксмо», 2026 — (Всегда побеждает любовь. Проза Насти Орловой)

ISBN 978-5-04-253960-2

Романтические истории Насти Орловой такие чувственные и увлекательные, что задевают за живое, заставляя сопереживать героям и радоваться за них, как за своих давних знакомых. Пять лет назад Илья исчез из моей жизни, оставив после себя лишь обиду, злость и множество вопросов. Я была уверена, что ненавижу его. За то, что он отнял у меня отца. За то, что нарушил мой покой. За то, что однажды просто ушёл, не сказав ни слова. А теперь Илья вернулся. Повзрослевший, холодный и по-прежнему невыносимый. Он смотрит на меня так, будто помнит все, что я сама отчаянно пытаюсь забыть. Между нами снова вспыхивают ссоры, обиды и чувства, которым нельзя дать волю. Он мой сводный брат. Моя самая болезненная тайна. Моя запретная любовь. И иногда мне кажется, что моя единственная надежда на счастье.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253960-2

© Орлова Н., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Настя Орлова

Люблю. Ненавижу

© Орлова Н., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава 1

Аня

Мой день начинается в семь утра с беспардонного жужжания мобильного на прикроватной тумбе. Жужжания настойчивого и повторяющегося – шанса проигнорировать вызов просто нет.

– Аня, привет! Выручай, – звучит в динамике неоправданно бодрый для раннего утра голос отца, стоит мне поднести телефон к уху. – Очень нужны документы из сейфа в доме. Позвонишь, когда будешь на месте, я тебе код продиктую.

– Пап, насколько срочно? – мямлю в ответ, отчаянно пытаюсь проснуться.

Накануне я сдала финальный экзамен летней сессии, и мы с девчонками отметили это громкой вечеринкой в клубе. И, хотя я почти не пила, в свою квартиру попала уже на рассвете – следила, чтобы мои захмелевшие подруги благополучно разъехались по домам.

– Срочно, Аня. Неожиданно нашелся покупатель на участок в Голицыне. А оказалось, что кое-какие документы я в Москве оставил. Заодно попрошу тебя старые выписки Варюши сфотографировать. Нашли хорошего кардиолога в Сочи, хотим записаться на прием. Ее карта и результаты последних анализов у нас с собой, но Марина хочет весь пакет собрать, чтобы врач в динамике посмотрел. – Отец вздыхает. – Мы не хотели тебя дергать, знаем, что у тебя сессия, но Илья трубку не берет. А доверять код от сейфа чужим людям не хотелось бы.

При упоминании имени сводного брата мое сердце привычно пропускает удар, но я быстро гашу этот признак эмоциональной слабости. Хватит. Все в прошлом. У него все прекрасно, и ему давно нет дела до старых обид. Иначе за четыре года, которые прошли с момента нашей последней встречи, он бы как-то себя проявил, правда?

– Ладно, пап. Я сейчас соберусь и поеду. Передавай Марине и Варюше привет.

Сбросив звонок, несколько минут рассеянно гипнотизирую потолок в спальне. Отец подарил мне двухкомнатную квартиру в центре столицы на восемнадцатилетие, чтобы я, поступив в университет, не моталась из Подмоскovie в город и обратно каждый день. Вроде бы это только вчера было, а по факту через пару недель буду отмечать второй год самостоятельной жизни. Как летит время...

Сладко зевнув, заставляю себя подняться с постели. Искушение отключить телефон и поспать еще полчаса чересчур сильно, но просьба отца не позволяет мне поступить таким образом. В конце концов, речь идет о здоровье моей трехлетней сестренки, которую в нашей странной семье обожают все без исключения.

У Вари, которая родилась у отца в браке с Мариной, врожденный порок сердца. Чтобы малышка дышала свежим морским воздухом и росла подальше от московской суеты и инфекций, пару лет назад папа купил апартаменты на побережье. В первый год они поехали туда на зимовку и так прониклись атмосферой курортного города, климатом и обновленной пост-олимпийской инфраструктурой, что теперь бывают на юге едва ли не чаще, чем в Москве. Если бы не столичный бизнес отца, наверное, переехали бы окончательно.

Наспех принимаю душ, собираю волосы в хвост на затылке и, натянув любимые джинсы и футболку, выбегаю из квартиры. Если повезет и не встряну до Новорижского в пробку, смогу вернуться обратно к обеду и еще немного посплю, до того как активизируются подруги. Мы с ними вечером собирались сходить на новый артхаусный фильм в летний кинотеатр.

Навигатор в машине показывает, что до родительского дома на Новой Риге ехать пятьдесят минут. Когда-то я жила там с мамой и папой, но восемь лет назад мама умерла, а папа со временем нашел ей замену. Так в моей жизни появилась мачеха Марина, как позже выяснилось, не злая, а очень даже хорошая, и сводный брат Илья.

Несмотря на комфортную температуру в салоне, тело пробирает озноб, когда в памяти всплывают мучительно яркие воспоминания из далекого прошлого.

Я была трудным подростком: конфликтным, дерзким, отчаянно жаждущим внимания, которое не получала ни от вечно занятого бизнесом отца, ни от матери, проводящей большую часть года на заграничных ретритах. Тогда я еще не знала, что у мамы была онкология, которую пытались вылечить в европейских клиниках, а папа справлялся как мог. Но даже теперь, спустя много лет, считаю, что родители не имели права утаивать от меня жестокую правду о болезни.

Когда мамы не стало, мы с папой стали близки как никогда. Но, погоревав несколько месяцев, он с головой ушел в работу и, как оказалось позднее, в новые отношения. А я снова слетела с катушек: прогуливала школу, начала курить и выпивать. И то, что отец через полтора года после смерти мамы женился на своей школьной пассии Марине Муромской и привел в наш дом ее и ее сына, который был старше меня на четыре года, ситуацию не улучшило.

Тот самый сын, Илья, оказался моей полной противоположностью. Я была мелкой корытшкой, он – плечистым великаном. Мои волосы отливали бронзой, его были темнее воронова крыла. Я всегда росла в достатке, они с матерью долгое время едва сводили концы с концами. Я училась в частной британской школе, перебиваясь с двоек на тройки, он – на первом курсе университета, куда поступил на бюджет по результатам блестяще сданного ЕГЭ. Отца вызывали в школу, чтобы пожаловаться на мое поведение, матери Ильи вручали благодарственные грамоты за успехи сына. У меня почти не было друзей, он был душой компании. Я после школы болталась без дела, он, закончив учебу, играл в университетской команде по волейболу и подрабатывал на автосервисе. Я была обычной и скучной, он – абсолютно исключительным во всем и для всех. Под одной крышей мы провели всего три месяца, каждый день из которых был для меня пыткой и напоминанием, что в собственном доме я стала лишней. Отец, который всегда мечтал о сыне, души не чаял в Илье. А я... Тогда мне казалось, что я просто никому не нужна.

Это сейчас я понимаю, что вела себя ужасно, что сама выстраивала стену в отношениях с папой, что ревность к мачехе и ее сыну застилала мне глаза, но в четырнадцать мне казалось, что я осталась один на один со своим горем – без матери и почти без отца, которого больше интересовала новая семья, чем непутевая дочь.

«Через триста метров поверните налево, а потом поверните направо».

Механический голос навигатора вырывает меня из омута воспоминаний. Я сбрасываю скорость. Делаю погромче звук в динамиках. Пытаюсь подпевать популярному хиту, чтобы вытеснить из головы тяжелые мысли. С чего вообще упоминание сводного брата в беседе с отцом лишило меня покоя? Да, с Ильей мы не виделись уже очень давно, но его имя отнюдь не табу в нашем доме. Его по-прежнему обожают все без исключения, а его успехами отец гордится так, словно он его родной сын...

Бессильно вздохнув, сворачиваю на дорогу, ведущую к дому. Здесь воспоминания становятся еще ярче, еще болезненнее. Наверное, я даже знаю почему – наш последний разговор с Ильей состоялся именно здесь. А теперь благодаря словам отца я знаю, что четыре года относительно спокойного существования подошли к концу. Сводный брат окончил бакалавриат в Ростове-на-Дону, отвергнув предложение папы сделать ему справку, отслужил в армии и вернулся в Москву. Нас больше не разделяют две тысячи километров, и моя вина, настоящая на его молчании и моих собственных душевных терзаниях, теперь ощущается особенно горько.

Это все, конечно, глупости, вызванные моей неуверенностью в себе. Для Ильи все сложилось наилучшим образом, и, вполне возможно, он даже не помнит всего, что я тогда сделала и наговорила. Это для меня тот последний день до его отъезда стал катастрофой, а для него... Вряд ли. Он ведь никому ничего не рассказал и просто ушел. И, наверное, хотя бы за это я должна быть ему благодарна.

Дом встречает меня тишиной. Я привыкла, что в последние годы здесь было шумно и многолюдно, так что сейчас кажется странным ходить по знакомым с детства комнатам и ощущать лишь гулкую пустоту.

С тех пор как шесть лет назад в нашей с отцом жизни появилась Марина, дом никогда не был тихим. Мачеха любила компанию. Она любила праздники. Она умела их отмечать, вовлекая в процесс не только обитателей дома, но и дальних родственников и даже соседей. К ней постоянно приезжали приятельницы, к Варе – тренеры по плаванию, массажисты и другие специалисты, без которых невозможно представить воспитание ребенка в семье с доходом сильно выше среднего. Марина мастерски организовала жизнь так, чтобы все вокруг были довольны и при деле. Сначала было сложно принять это, но с ней отец, обычно суровый и занятой, действительно стал счастливым. По крайней мере, дома он стал бывать гораздо чаще и, беря пример с Марины, интересовался моими делами в школе. А я... А я, наверное, впервые поняла, что такое настоящая семья: это не просто картинка на доведенном до идеала фотошопом фото для альбома, которые так любила мама, а ощущение теплоты и поддержки. И уверенность, что дома тебя ждут.

Сложный, наверное, даже критический, подростковый возраст я прошла с минимальными потерями благодаря поддержке Марины. Именно она нашла мне хорошего психолога. Окружила заботой. Умело выстраивала хрупкий мостик доверия между нами. Не пыталась заменить мне мать – общалась со мной как со взрослой, на равных, и никогда ни в чем не обвиняла...

Очевидно, что ни до, ни после своего отъезда Илья не рассказывал ей о наших с ним разногласиях. А я даже спустя столько лет испытывала перед мачехой ужасную вину за то, что из-за меня ее сын переехал в другой город к дальним родственникам.

– Анют, приехала? – Звонок папы, которому на телефон наверняка пришло уведомление, что я открыла ворота, заставляет меня вспомнить о цели моего визита.

– Да, пап.

– Код запомнишь, если продиктую?

– Подожди, я поднимусь наверх и сразу вводить буду, – отвечаю я, легко взбегаю по лестнице на второй этаж, где расположены спальни. – Говори.

Открыв сейф и отыскав нужные бумаги, я делаю снимки каждой страницы для отца и возвращаю все на место.

– Спасибо, – благодарит папа, получив фотографии в мессенджер. – Ты как там сама?

– Все в порядке, пап. Сессию вчера закрыла на отлично.

– Умница! – В голосе отца я улавливаю нотки гордости. – Я же говорил, что при желании горы свернешь, а ты не верила.

– Сверну-сверну, – смеюсь я. – Ладно, я поехала. Не хочу в пробку попасть на обратном пути.

– Люблю тебя, дочка.

– И я тебя, папа.

Дверца сейфа закрывается с глухим щелчком, но вдруг другой шум, неожиданно громко прозвучавший на первом этаже, заставляет меня насторожиться.

Если бы кто-то из обслуживающего персонала должен был прийти в дом, отец бы мне обязательно сказал. А так получается...

Господи, я вообще закрыла за собой ворота?

Судорожно пытаюсь воспроизвести в памяти путь от машины к дому и... Просто не помню. Всегда считалось, что у нас хороший район. Безопасный. Мы все так думали до прошлого года, когда на соседней улице грабители при свете дня обчистили дом бизнесмена, застрелив попавшего под прицел садовника.

После этого случая папа сильно переживал. Добавил по периметру камеры. Подключил вневедомственную охрану. Но разве камеры и охрана спасут меня, если кто-то проникнет в дом здесь и сейчас через ворота, которые я оставила открытыми? И даже кричать бессмысленно – вокруг дома разбит сад, до соседнего участка – минимум сто пятьдесят метров.

Вязкие щупальца страха берут меня за горло. Тело прошибает холодный пот. Вышедшее на максимальные обороты сердце разрывает клетку ребер.

Как я могла быть такой беспечной?

Стараясь не издавать лишних звуков, осторожно подхожу к двери и прислушиваюсь. Голоса становятся громче. Они мужские, и их как минимум два.

Лихорадочным взглядом сканирую комнату, надеясь отыскать какой-нибудь предмет для самообороны, но нахожу лишь фарфоровую статуэтку, которую Марина в прошлом году привезла из Италии. Ерунда для защиты от преступников, но выбирать не приходится.

Хватаю статуэтку дрожащими пальцами и прижимаю к груди. Не уверена, сможет ли эта штукавина нанести вору реальный вред, но остаться совсем беззащитной...

Разговоры стихают. Тяжелые шаги поднимаются вверх по лестнице и замирают на пороге той самой комнаты, в которой я нахожусь. Прижавшись к стене слева от двери, задерживаю дыхание и замахиваюсь.

Скрип петель. Сердце в пятки. Адреналин в кровь. В зону моей видимости попадают широкие плечи, обтянутые черной футболкой, и выстриженный затылок с шапкой темных волос. На первый шаг неизвестного захватчика по паркету я отвечаю резким движением у него из-за спины. Целюсь в затылок, но рука с зажатой статуэткой обрушивается на плечо – слишком уж высоким оказывается вор.

– Сука, какого хера? – звучит сочное ругательство, а мое запястье моментально попадает в жесткий капкан горячих пальцев.

Этот голос, чужой, но знакомый на каком-то глубоком интуитивном уровне, запускает волну тремора, бегущего по моему телу от макушки до пят. Я цепенею. Фарфоровая статуэтка словно увеличивается в объемах и выскальзывает из моих ослабевших пальцев, с звонким треском падает на пол, раскалывается пополам. Я вздрагиваю. Жадно хватаю ртом воздух и шокировано смотрю на широкоплечего мужчину, ощущая, как жжет кожу в том месте, где его ладонь бесцеремонно сжимает мое запястье.

Это не вор. Не захватчик. Это человек, которого я страстно мечтала увидеть все эти годы и одновременно страшно этого боялась. Передо мной стоит мой, несомненно, повзрослевший сводный брат.

– Что ты здесь делаешь? – чужим голосом произношу я, едва оправившись от шока.

Облизываю пересохшие губы, невольно пробегаюсь взглядом по раздавшимся плечам, волевому подбородку с тенью щетины и пухлым губам, пока, наконец, не сталкиваюсь с пронзительной синевой колючих глаз.

– А ты не понимаешь? – Голос Ильи звучит холодно и надменно.

Непривычно. Раньше он не был таким. Хотя... Наверное, я не очень хорошо помню, каким он был тогда. В те три месяца, что он провел в этом доме, я была отравлена ревностью к нему и Марине, чтобы обращать внимание на детали.

– Можешь отпустить? – прошу я, взглядом указывая на зажатое им запястье, и добавляю в свое оправдание: – Я думала, в дом проникли воры.

На одно короткое мгновение хватка на моей руке становится крепче, доставляя болезненные ощущения, но уже в следующую секунду Илья демонстративно разжимает пальцы и отступает на шаг назад. При этом молчит и так бесцеремонно разглядывает меня, что к щекам стремительно приливает кровь, а сердце заходится уже не от страха, а от совершенно неуместного волнения.

– Тебя, наверное, Марина попросила за документами заехать, – тараторю я, пытаюсь сгладить возникшую неловкость, и смотрю куда угодно, только не на сводного брата. – А меня отец. Но я уже все сделала и им отправила. Так что ты зря...

– Можешь успокоиться, – обрывает он раздраженно, словно слушать мою сбивчивую болтовню выше его сил. – Я все понял.

И снова давящее молчание. Сотни мыслей в голове. Нарастающая нервозность. И Илья надо мной как мрачная гора. Он всегда был выше, а я никогда не была Дюймовочкой, но сейчас разница в нашем росте выглядит почти комично.

– Я все сфотографировала и отправила, – повторяю, ощущая на себе тяжелый взгляд. – Извини.

За что, черт возьми, я извиняюсь? И почему его присутствие так сильно меня нервирует? Продолжая молчать, Илья опускается на корточки и собирает осколки статуэтки.

– Осторожно ходи без обуви, – командует он, разглядывая пол. – Я скажу Лидии Борисовне, чтобы прибрала тут.

Лидия Борисовна – приходящая экономка. Она работала у нас, еще когда мама была жива. Ильи не было дома четыре года, почему он позволяет себе так запросто распоряжаться персоналом?

– Я сама уберу.

– Сама ты этого делать не будешь, – отрезает он жестко.

Я не знаю, почему мои глаза в ответ на эту грубость наполняются слезами. Наверное, дело в его тоне – бескомпромиссном, уничижающем, заставляющем меня вновь ощутить себя глупой девчонкой, которая в очередной ссоре со сводным братом дошла до края и угрожала перерезать себе вены осколком стакана, если он не уйдет...

Та давняя сцена так реалистично проигрывается перед глазами, что я ощущаю признак удушающей паники. Какая ирония: годы терапии пошли под откос от первого же лобового столкновения с прошлым, а ведь я наивно полагала, что давно исцелила свои детские раны.

Сморгнув предательские слезы, нахожу в себе силы отвернуться от Ильи, занятого поиском мелких осколков, и выйти из комнаты.

В четырнадцать сводный брат казался мне крайне опасным противником. Сейчас, годы спустя, я вынуждена признать – ничего не изменилось. Он все так же внушает мне трепет и заставляет говорить и делать совсем не то, что следовало бы. Он все так же меня смущает...

На ватных ногах спускаюсь на первый этаж. Голова гудит от какофонии самых разных мыслей, но одна из них звучит вполне конкретно – надо бежать. Просьбу папы я выполнила. Можно просто сесть в машину и уехать, не попрощавшись. В этом не будет ничего для нас нового – правила приличия никогда не играли сколько-нибудь заметной роли в наших с Ильей бурных взаимоотношениях. Да и вообще, так будет лучше для нас обоих. Не видется, не общаться, не извиняться...

– Привет! – останавливает меня незнакомый голос.

Застыв на последней ступеньке, резко поднимаю голову и оказываюсь лицом к лицу с улыбающимся блондином. Таким же высоким, как Илья, но не таким агрессивным. И очень симпатичным.

– Привет, – выдаю на автомате.

– Я Саша. – Блондин делает приветственный взмах рукой. – Друг Илюхи.

– Аня.

– И что ты тут делаешь, Аня? – Улыбка на лице парня настолько искренняя, а голос звучит так дружелюбно, что я невольно отвечаю ему тем же. Надо же!

Есть люди, которые располагают к себе с первого взгляда. Этот Саша как раз из таких, не то что Илья, от одного взгляда которого хочется забиться в угол и испариться.

– Это мой дом. А что здесь делаешь ты? – спрашиваю я.

– Твой дом? – Кажется, я его удивила.

– Ну, когда-то я жила здесь с отцом.

– Отец! – Саша демонстративно бьет себя по лбу. – Тогда... Не знал, что у Ильи есть сестра, еще и такая красивая, а то давно напросился бы в гости.

– Она мне не сестра! – Я даже подпрыгиваю от яростных интонаций в голосе сводного брата, который внезапно вырастает за моей спиной. – Поехали отсюда, Сань.

Он проходит мимо, едва не задев мою руку своей. В какой-то момент между нами остаются считанные миллиметры: мы так близко, что я инстинктивно отшатываюсь от него, хватаясь за перила в попытке сохранить равновесие. Илья это, конечно, замечает: посылает мне неприязненный взгляд и презрительно кривит губы, а я... А я снова ощущаю себя полным ничтожеством.

– Ага, поедem сейчас, мне бы только воды хлебнуть, а то сушняк замучил, – игнорируя напряженную атмосферу в доме, говорит Саша. – Ань, покажешь, где кухня?

– Я... Да, конечно. – Несмотря на явное недовольство сводного брата, я посылаю его другу вежливую улыбку. В конце концов, Саша – гость в этом доме, и он не виноват, что мы с Ильей с трудом выносим общество друг друга. – Пойдем.

Илья предсказуемо с нами не идет. Бросает небрежное «быстро давай» другу, на меня даже не смотрит. А когда я захожу на кухню, в прихожей хлопает входная дверь.

Говорю же, для нас не существует вежливости и правил приличия. Обоим проще так – наотмашь. Как сорвать пластырь с раны.

– Спасибо, – благодарит Саша, с улыбкой вручая мне стакан, который он за секунду до этого опорожнил одним махом. – Повторишь?

Наливаю через кран фильтра еще воды, подталкиваю стакан к нему через разделяющую нас поверхность кухонного острова.

– Бурная ночь? – спрашиваю, чтобы заполнить неловкую тишину, пока он жадно пьет.

– Да-а-а-а, вчера знатно отдохнули, – тянет парень, посылая мне еще одну искрящуюся улыбку. – А ты? Бываешь где-то?

– Где-то бываю, – отвечаю с сухим смешком.

– А как бы нам сделать так, чтобы в следующий раз мы где-то оказались вместе? – Он понижает голос и, наклонившись над островом, заговорщически мне подмигивает.

Вау. Он со мной флиртует.

В общем и целом Саша мне нравится. Он симпатичный, легкий в общении и кажется вполне адекватным. Но его дружба с Ильей перечеркивает все эти достоинства. Мы не сможем общаться. Сводный брат всегда будет стоять тенью над любыми возможными между нами отношениями, даже чисто приятельскими.

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорю честно.

– Занята?

– Нет. – Мои щеки покрывает румянец, потому что подобная прямота в вопросах отношений с противоположным полом для меня в новинку. – Просто нам не стоит...

– С Ильей у вас терки? – уточняет понимающе, не делая вид, будто не заметил напряженности между мной и сводным братом. – Так я все утрясу. Вот увидишь, он еще благословение свое даст.

– Не надо в это лезть, правда, – предупреждаю я. – Это того не стоит.

Саша не успевает возразить, потому что с улицы доносится резкий и настойчивый сигнал автомобиля. Это Илья. Конечно, он не из тех, кто привык ждать.

– Долг зовет, – с сожалением говорит Саша, бросая взгляд на электронные часы на запястье. – Мы с Илюхой крюк сделали, чтобы сюда заехать. Опаздываем на тренировку.

Я понимающе киваю. Ему пора. Мне тоже. Вряд ли мы еще когда-нибудь встретимся. Он друг моего сводного брата, а я его враг. Нам в любом случае не по пути.

– Ну, пока, Аня. – Саша посылает мне на прощание еще одну широкую улыбку и салютует двумя пальцами. – Увидимся.

Глава 2

Илья

С водительского места в своем автомобиле я гипнотизирую входную дверь дома. Секунда... Пять... Бесконечная минута, которая заканчивается нетерпеливым ударом по рулю, вызывающим протяжный сигнал клаксона.

Саня уже три минуты с ней. Наедине. Утоляет сушняк после ночной попойки, тогда как я позорно отсиживаюсь здесь, просто чтобы ее не видеть... Не дышать с ней одним воздухом. Не ощущать на себе ее взгляд. И не слышать... Ни голоса, ни дыхания, ни тихих шагов по деревянному полу, когда она босая ходит по дому.

Как только Саня запрыгивает на пассажирское сиденье, с силой давлую в пол педаль газа, заставляя машину с визгом сорваться с места.

– Эй, полегче. Не так уж мы и спешим, – бубнит друг, хватаясь за ремень безопасности и перекидывая его через плечо. – На тот свет мне точно рано. Угомонись, Илюх.

Стиснув зубы, заставляю себя сбавить скорость. Саня, конечно, прав. Меня просто адски бомбит от встречи с ней. Думал, ничем уже не пронять – оброс железной броней за четыре с лишним года, что ее не видел, но как же сложно держать себя в руках, когда она вся такая...

Аня Дубровская. Даже имя ее на языке жжет серной кислотой. Бедная овечка с лицом безмятежного ангела и нутром вероломной суки. Застала меня врасплох своим сегодняшним появлением в доме. Я знал, конечно, знал, что наша встреча неминуема, но не был готов, что она произойдет так скоро. Впрочем, разве время изменило бы что-нибудь? Мы с ней никогда не ладили. А она всегда меня ненавидела. Такая вот аксиома наших взаимоотношений с самого первого дня...

Сюжет, беспечно столкнувший на встречной наши жизни, до тошноты банален. У меня был пьющий отец. У нее от рака умерла мать. И мы существовали в своих диаметрально противоположных мирах, пока параллели наших одиноких родителей случайно не пересеклись во второй раз, образовав новую ось координат. Ту, которая начала жить по своим собственным математическим законам, отменяя любые сомнения в ее состоятельности. Я помню, насколько шокированным был, когда мама впервые назвала ее любовью...

– Муромский, ты не говорил, что у тебя есть сестра. – Саня-камикадзе давит на больную мозоль, даже не подозревая этого. – Горячая штучка.

– Забудь, – отрезаю я, сдавив руль пальцами с такой силой, что белеют костяшки.

Самообладание трещит по швам, стоит представить его с ней...

– Не будь таким душным, Илюх. Ей же есть восемнадцать, да?

– Для тебя ей восемь, – чеканю раздраженно. – Даже не думай в эту сторону, я серьезно. Она не для тебя.

– А если это любовь с первого взгляда? – не унимается он.

– Придется тебе сдохнуть от любовной тоски, – отвечаю категорично без тени юмора.

– Сука-а-а-а, – ржет друг. – Кто бы мог подумать, что ты такой принципиальный старший брат...

Внезапно Саня замолкает. Боковым зрением вижу, как он поворачивает голову и с любопытством смотрит на меня.

– А ты случайно... Вы же с ней не кровные родственники, правильно? – спрашивает с явным намеком.

– Ты, блин, что несешь, а? – рычу я, чувствуя, как кровь ударяет в голову.

Если Саня не прекратит это, я за себя не ручаюсь. Мы как раз выскочили на трассу в сторону города, и стрелка спидометра на его расспросах уже критически клонится вправо.

– Ладно, ладно! – Он поднимает ладони вверх, как бы признавая свое поражение. – Не кипятись. Я понял.

Какое-то время мы едем в тишине. Я честно пытаюсь успокоиться, потому что подобные вспышки ярости вообще не в моем характере. По крайней мере, не были в моем характере все последние годы. Но кто ж знал, что сводная сестричка все еще способна доводить меня до белого каления. Самое удивительное – ей даже не понадобилось ничего для этого делать. Увидел ее – и занавес. Даже не думал, что будет так мучительно больно...

Этот ее взгляд, заискивающий и испуганный одновременно, пухлые вишневые губы и босые ступни в опасной близости от острых осколков долбаной фарфоровой фигурки, которой она пыталась меня покалечить...

Идиотка. А если бы в доме действительно были чужие? Вместо того чтобы спрятаться, пошла на гипотетического вора с игрушкой в руках. Как всегда, без тормозов. Не думая о последствиях. Заигрывая с жизнью и смертью...

Я громко сглатываю тугой ком, мешающий дышать. Пытаюсь дистанцироваться. Думать о другом. Но... Слишком много воспоминаний, слишком много эмоций для того, кто обещал оставить прошлое в прошлом. А Аня Дубровская – часть прошлого. Того, в которое я не хочу возвращаться.

– Слушай, ребята предлагают сыграть в субботу. Турнир по пляжному среди любителей. – Саня отрывает взгляд от экрана телефона, в котором строчил сообщения все то время, что я насиловал себя мыслями о прошлом. – Можно заявиться до вечера.

– Мы же поработать хотели, – напоминаю ему про наш бизнес-план по созданию туристического маркетплейса.

– В плане стратегии мы уже сделали все, что могли, – возражает Саня. – Осталось найти инвестора. И, кстати, учитывая дом, в котором мы были... Твой отчим, случайно, не хочет вложиться в потенциально прибыльный стартап?

– Нет, – отрезаю я. – Я уже говорил тебе, что моя семья не будет иметь к этому никакого отношения.

– Как знаешь. – Саня пожимает плечами, не понимая причин, по которым я сознательно избегаю любой ассоциации с известным отчимом. А я не хочу посвящать его в детали. Есть вещи, которые должны оставаться приватными. – Давай хоть сыграем, Илюх. А то тоска... Порой думаю, что лучше бы в Ростове остались, честное слово.

Впервые мысли Сани поразительно созвучны моим собственным. Потому что за последние пару недель я много раз размышлял, насколько правильным было решение вернуться в столицу. Я жил здесь до восемнадцати лет, но резко оборвал все связи с городом, когда из-за конфликта со сводной сестрой, который едва не закончился трагедией, принял решение о переводе в вуз на юге страны. У меня была спортивная стипендия, поэтому осуществить это вышло не так уж сложно. Гораздо сложнее оказалось выжить вдали. Не только от матери, но и от Ани тоже. Этой эмоциональной ломке невозможно подобрать определение – между нами была только ее люта я ненависть ко мне и подростковая способность доводить все до абсурдной драмы, но, лишившись возможности быть с ней рядом, я словно перестал жить. Все стало скучным. Обыденным. Совершенно пресным. В какой-то момент единственным светлым пятном в череде серых дней в Ростове-на-Дону стала дружба с Саней Измайловым, с которым я играл в одной волейбольной команде. И все же я справился. Научился жить вдали от Москвы и всего, что было с ней связано. Нашел в себе силы общаться с людьми и заводить новые знакомства. Отслужил. Стал зарабатывать и планировать будущее. Все шло хорошо. До тех пор, пока я не вернулся.

– Ладно, – соглашаюсь я. – Давай сыграем.

Пусть будет игра. Хоть какое-то разнообразие в чередѣ дней, когда я рву задницу, чтобы снова найти свое место в Москве, из которой уехал, потому что она так захотела. Потому что просто не оставила мне выбора.

Глава 3

Аня

– Как Варя? – спрашиваю у Марины, когда она звонит на следующий день, чтобы поздравить меня с успешно сданной сессией.

– На море ей хорошо, Аня. Будь моя воля, я бы тут окончательно обосновалась, но папу дела в Москве держат, сама понимаешь.

– Папа говорил, что будет стараться переводить свою работу в формат удаленки.

– Ой, сколько разговоров было об этом, – Марина вздыхает. – Но по факту без его жесткого контроля все сыплется. Так что не думаю, что полная удаленка – это реальная перспектива. Но посмотрим, конечно. Аня, а ты к нам когда приедешь? Каникулы же. Тут и бассейн, и море, и горы рядом.

– Я хочу приехать, но пока не знаю, когда получится. У меня же практика начнется через неделю. И мы с Верой и Миланкой хотели съездить в Стамбул.

– Стамбул с подружками – дело хорошее, – соглашается Марина. – А практику где будешь проходить?

– Я подала документы в один клинический центр, там требовались ассистенты на лето. Плюс они даже деньги платят. Небольшие, конечно, но мне хочется уже что-то самой зарабатывать, – озвучиваю мачехе то, что даже папе пока не говорила.

Не секрет, что он против, чтобы я работала до окончания университета.

– Успеешь еще сама заработать, – смеется Марина. – Какие твои годы? Пока наслаждайся тем, что у тебя есть.

– Да куда уж больше наслаждаться, – отвечаю в тон. – Папа и так все для меня делает.

– Он тебя очень любит, знаешь же?

– Знаю, – отвечаю с улыбкой.

Сейчас кажется безумием, что когда-то я сомневалась в чувствах отца. Хотя бы в этом вопросе встречи с психологом не прошли для меня даром.

– Аня. – Марина делает небольшую паузу, будто тщательно подбирает слова. – А ты с Ильей дома пересеклась, да?

Я нервно сглатываю. Это имя, ох уж это имя...

– Ага, пересеклась. На две минуты буквально. – Стараюсь звучать непринужденно и легко, но сама чувствую, что фальшивлю.

– Мы с папой параллельно вас вызванивали. И в итоге обоих напрягли, – говорит Марина с сожалением.

Впервые у меня возникает пугающая мысль, что, возможно, она что-то знает. О прошлом, о том, что я сделала тогда и почему ее сын уехал. Но потом я сама себя успокаиваю: она не знает, иначе не относилась бы ко мне с такой добротой и любовью все эти годы.

– Да ничего страшного. Главное, чтобы Варе помогли, – резюмирую я, не желая продолжать эту тему.

Лучше вообще не говорить об Илье и о том, что меня до сих пор пробирает озноб, когда я вспоминаю нашу встречу.

Попрощавшись с Мариной, я иду на кухню, чтобы заварить себе чай. До похода в кино с подругами у меня еще есть несколько часов, которые я собираюсь провести один на один с новой книгой. Но, как это обычно бывает, стоит мне удобно устроиться на диване и открыть первую страницу, в наш с подружками групповой чат приходит сообщение от Веры.

«Девочки, бросайте все, что вы делаете, и поехали смотреть на красавчиков с голыми торсами».

И следом прилетает афиша любительского турнира по пляжному волейболу.

«Я пас», – печатаю сразу.

«Почему?»

«Не люблю волейбол».

С моей стороны это ложь. Нет у меня какой-то особой нелюбви к этому виду спорта. Просто... Просто в волейбол играет Илья. По рассказам Марины я знаю, что в Ростове у него была спортивная стипендия, а пару лет назад его команда стала бронзовым призером университетской лиги. Этот спорт навевает чересчур много болезненного, чтобы я добровольно пошла на игру. Особенно в свете утренней встречи.

И пусть в Москве проживает двадцать миллионов человек, несколько тысяч из которых играет в волейбол. И пусть Илья не играет на пляже, а мочит всех в зале. И пусть с моей стороны это признак трусости. Пусть...

«Зачем его любить? Мы же не на мяч смотреть едем, а на волейболистов».

«Поддерживаю», – включается в разговор Милана.

«Без меня тогда. Я проведу вечер так», – печатаю ответ и отправляю фотку книжки.

«На фига тебе читать порнушку, если можно на нее посмотреть?»

Вера присылает мне фотку накачанного волейболиста без майки.

«Это не порнушка!» – возмущаюсь я, прижимая к груди книжку Л. Дж. Шен с обнаженным красавчиком на обложке.

«Рассказывай мне. Я брала у тебя почитать. Там секс на каждой третьей странице», – подкалывает меня Милана, отправляя пошлую гифку.

«И все равно я никуда не пойду».

«Ты должна мне желание, Дубровская, – выкидывает свой козырь Вера. – Или мы идем на волейбол, или я заставлю тебя прыгнуть со мной с тарзанки».

А вот это удар под дых. К пари и проигранным желаниям я отношусь крайне серьезно, и Вера это знает. А еще она знает, что я до жути боюсь высоты. И про тарзанку она мне уже все уши прожужжала.

«Это нечестно», – печатаю я.

«Жизнь вообще крайне несправедлива, детка. – Вера посылает мне смайлик с дьяволом и добивает контрольным выстрелом. – Ань, ты за рулем, потому что от меня все еще несет перегаром после вчерашнего. Ты же не хочешь, чтобы меня остановили и отняли права?»

«Шантажистка».

«You know you love me. ХОХО», – цитирует героиню популярного сериала Вера. – Давайте через час на Белорусской. Сможешь нас подхватить на кольцо?»

«Ладно», – скрепя сердце соглашаюсь я. Уж лучше волейбол, чем перспектива лететь головой вниз со скалы, рассчитывая только на сомнительную страховку.

«Уж лучше волейбол?» – повторяю про себя два часа спустя. Господи, еще никогда я так жестоко не ошибалась! Вот прямо сейчас я согласна на тарзанку. Плевать на страховку, выживу. А после этого... Нет, не уверена.

– Ты чего тормозишь? – спрашивает Милана из-за спины, подталкивая меня к свободным местам на трибуне. – Надо занимать, а то сзади еще куча малолеток рвется.

А я не могу. Ноги приросли к платформе, в ушах шумит кровь, подмышки потеют, хотя у меня дезодорант «48 часов», который раньше меня никогда не подводил.

– Дубровская, ау! Ты привидение увидела?

Хуже. Гораздо хуже. Я увидела Илью, который разминается на одной из половин волейбольной площадки.

– А брUNET, который на подачу идет, ничего, – шепчет Вера мне на ухо, когда в матче разыгрывают первые очки. – Как тебе?

– Мне все равно, – отвечаю сухо, борясь с разрывающими меня на части эмоциями. Хочется встать и немедленно уйти, спрятаться, и одновременно хочется остаться, чтобы доказать самой себе, что я оставила историю со сводным братом в прошлом, что я выше детских обид, что я сильнее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.